

УДК 811.161.1+81'373.611

КОМПРЕССИВНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ: ПРОБЛЕМА ОПИСАНИЯ УНИВЕРБОВ РУССКОГО ЯЗЫКА

А.В. Воротникова (Украина, АРК, Симферополь)

В статье исследуется явление универбации как разновидность компрессивного словообразования; рассматривается универбация словосочетаний различного типа, усложненной и неусложненной структуры, а также универбация пропозиций.

Ключевые слова: компрессивное словообразование, универбация, универб.

The article deals with the phenomenon of univerbation as variety of compression word-formation; considers word-combinations univerbation of different type, complicated and uncomplicated structure, and also univerbation of proposition.

Key words: compression word-formation, univerbation, univerb.

У статті досліджується явище универбації як варіант компрессивного словотворення; розглядається универбація словосполучень різного типу ускладненої і неускладненої структури, а також универбація пропозицій.

Ключові слова: компрессивное словотворення, универбація, универб.

Постановка проблемы. Явление, в котором находит воплощение языковая тенденция к экономии средств выражения, известно в лингвистической литературе под различными терминами: «синтетическое сжатие», «стяжение», «семантическая конденсация», «включение», «универбация» [Лопатин 1972:72].

Одним из первых подобное явление рассмотрел польский исследователь Я. Розвадовский. Его идея об исконной двучленности возникающих понятий, а следовательно, и их наименований оказалась чрезвычайно плодотворной. По мнению Я. Розвадовского, вновь возникающие понятия одними своими признаками связываются с уже существующими понятиями, другими от них отличаются, поэтому языковой знак тоже состоит из двух компонентов – идентифицирующего и дифференцирующего.

Эта идея получила дальнейшее развитие в работах А.В. Исаченко. Именно он ввел в научный обиход термин «универбация», используя параллельно термин «семантическая конденсация». С точки зрения А.В. Исаченко, утрата первоначальной и семантической расчлененности наименования является одним из основных законов развития лексики вообще, а сущность развития наименования заключается в том, что «один из элементов номинации, состоящей по происхождению из двух элементов, утрачивает свою самостоятельность, в связи с чем происходит объединение этих элементов в одно целое, так сказать, универбация, – переход слова из категории мотивированных в категорию немотивированных» [цит. по: Осипова 1994:15-16].

Изучению семантической конденсации посвящен специальный раздел коллективной монографии «Русская разговорная речь». Рассматривая определенные правила семантической конденсации, словообразовательные и семантические «схемы», интегрирующие словосочетание в слово, ее авторы обращают внимание на такое обстоятельство: «Семантическая конденсация создает в РР такие "сильнодействующие" модели, что иногда слово-конденсат образуется уже без оглядки на какое-либо словосочетание – по аналогии. Таким образом, за некоторыми подобными наименованиями в РР стоят нуль-сочетания (а, значит, они сами становятся лже-конденсатами)» [Русская разговорная речь 1973:410]. Действительно, часть дериватов образовалась без опоры на адъективное сочетание: «Ступень свертывания синтаксической объективации до фразеосочетания может быть пропущена в акте словопроизводства. Так, при образовании конденсата *зимник «дачник, живущий на даче зимой»*, зафиксированного в словаре С.И. Ожегова, ступень *зимний дачник* не зафиксирована...» [Устименко 2001:22].

Термин «включение» подробно рассмотрен в работе Н.А. Янко-Триницкой «Процессы включения в лексику и словообразовании». В данном исследовании включение рассматривается как частный случай процессов универбации и семантической конденсации, отмеченных А.В.

Исаченко. «Включение – это такое расширение значения слова, которое осуществляется за счет семантики другого слова, не получающей в данном слове отдельного морфемного выражения. Устанавливается включение путем сопоставления значения слова с синонимическим словосочетанием, в которое кроме данного слова (или его основы) входит еще и другое слово. Включаемым может быть как значение определяющего слова словосочетания, так и значение определяемого слова. Процессы включения наблюдаются и в лексике, и в словообразовании» [Янко-Триницкая 1964:18].

Анализируя процессы включения в лексике, автор отмечает, что преобладающим здесь является включение определяющего, и приводит следующие примеры: *температура* «повышенная, высокая температура», *вкус* «хороший, изысканный вкус», *воздух* «чистый, свежий воздух», *слух* «музыкальный слух», а также *песок* «сахарный песок», *расстройство* «расстройство желудка».

«Включение определяющего в лексике возможно только в тех случаях, когда и определяемое, и определяющее принадлежат к одному грамматическому классу слов, либо в тех случаях, когда возможен переход из одного грамматического разряда в другой без нарушения морфемного состава» [Янко-Триницкая 1964:23]. Например: *в декретном отпуске* – *в декрете* – «включено значение определяемого (*отпуске*), а определяющее для сохранения общего значения словосочетания переходит в существительное...» [Янко-Триницкая 1964:23].

Включение наблюдается и при словообразовании, в результате «включения определяющего». «При включении определяющего происходит изменение грамматического разряда слова, что выражается изменением основы слова (суффиксация) и системы флексий. Обычно это образование существительных от основы прилагательных на фоне сочетания данных прилагательных с существительными» [Янко-Триницкая 1964:27]. Например: *литейка* «литейный цех», *родилка* «родильное отделение», *водородка* «водородная бомба», а также *глазник* «глазной врач», *сторожевик* «сторожевой катер», *боковушка* «боковая комната, каморка». «Широко распространенным случаем включения определяемого является включение при субстантивации»: *запасной* (игрок), *прямая* (линия), *заливное* (блюдо), *сладкое* (блюдо) [Янко-Триницкая 1964:30, Полякова 1972, Кудрявцева 1993, Осипова 1994].

Продолжением и развитием лингвистической позиции Н.А. Янко-Триницкой являются исследования И.М. Поляковой. В диссертации «Процессы включения в лексике и словообразовании (наблюдение над профессиональной разговорной речью металлургов)» И.М. Полякова рассматривает процессы включения с двух сторон: 1) «со стороны лексической, когда слово не меняет своей внешней оболочки и как бы вбирает в себя значение другого слова, тем самым расширяя и обогащая свою семантику» [Полякова 1972:41], например: *показатели* «высокие показатели», *разряд* «высокий разряд», *стан* «прокатный стан», *лист* «стальной лист», *плавить* «плавить металл», *катать* «катать металл»; 2) «со стороны словообразовательной, когда в процессе включения одно слово не только поглощает значение другого, но получает совершенно новое грамматическое выражение» [Полякова 1972:42], например, включения с субстантивацией типа *прокатный* (цех), *тракторная* (сталь), *изотопная* (мастерская), *зачистная* (машина), *кислородная* (станция) и другие. Отдельно исследователь выделяет включения на базе словосочетаний, оформленных аффиксами, например, *обручка* «обручное железо», *нулевка* «нулевая сталь», *центровка* «центровая шайба», *травилка* «травильное отделение» и др.

Со времен появления трудов Я. Розвадовского, А.В. Исаченко, Н.А. Янко-Триницкой вышло немало работ, посвященных рассмотрению процессов универбации. Разнообразие подходов толкования универбационных процессов можно свести к следующим интерпретациям.

В широком значении универбация понимается как «процесс возникновения нерасчлененной формы наименования, который характерен для любого новообразования, независимо от того, зафиксированы ли в языке соответствующие расчлененные формы наименования» [Сахарный 1974:10]. Такое понимание термина «универбация» разделяют немногие исследователи [Сахарный 1974, Устименко 2001, Петров 2002].

Другая трактовка термина универбация впервые была предложена чешской (И.А. Исаченко, М. Докулил) и польской лингвистическими школами. Сторонники этой точки зрения определяющей чертой универбации считают факт существования в языке многословного устойчивого наименования, которое находится в мотивированных и синонимических отношениях с универбом. «Продуктом универбации (универботом) можно считать только такое мотивированное слово, наряду с которым имеется синонимичное словосочетание (с мотивирующим словом в его составе), носящее характер устойчивой языковой номинации» [Лопатин 1978:73].

Таким образом, в узком смысле универбация – это замена расчлененной отдельно-оформленной единицы цельнооформленной единицей. При этом обязательно в языке должны быть представлены две формы обозначения одного и того же плана содержания: расчлененная и нерасчлененная. Такую трактовку термина «универбация» разделяют многие исследователи [Полякова 1972, Глотова 1977, Лопатин 1978, Кудрявцева 1983, Земская 1992, Осипова 1994, Смирнова 2000 и др.].

Е.А. Земская считает узкое понимание универбации традиционным и рассматривает это явление наряду с усечением, субстантивацией и аббревиацией как способ компрессивного словообразования [Земская 1992]. При таком способе образования слов «суть автодеривации в переводе словосочетания в слово ... Роль аффикса здесь – оформить слово (перевести основу прилагательного в субстантив) и маркировать основу как производную. Словообразовательное значение можно формулировать как значение предметности» [Земская 1992:35].

Мы разделяем точку зрения ученых, использующих в своих работах термин «универбация» как в узком, так и в широком понимании. Необходимо осмыслить границы этого явления. Универбацию мы рассматриваем как родовое наименование, которое включает в себя следующие видовые наименования: семантическую конденсацию, субстантивацию и сложение.

Цель статьи – изучить структурно-семантические особенности универбов-конденсатов, образованных в результате свертывания словосочетаний различного типа и пропозиций. Исследование проводится на материале справочных изданий «Новое в русской лексике. Словарные материалы 1977–1988», на материале словаря-справочника по материалам прессы и литературы 60 – 90-х годов Л.И. Осиповой «Новые слова в русском языке (суффиксальные универбы женского рода с суффиксом -к-а)», а также на основе собранной картотеки автора.

Дериваты, образованные на базе словосочетаний

Как уже было отмечено, в лингвистической литературе термины «включение», «семантическая конденсация», «сжатие», «стяжение», «семантическая компрессия», «синтетическое сжатие», «универбация» употребляются как синонимы. «Однако за ними стоят явления разного порядка, которые необходимо дифференцировать, поскольку семантическая конденсация, семантическая компрессия – явления плана содержания и имеют отношение к формированию содержательной стороны лексической единицы, а стяжение, сжатие, сведение – явления плана выражения и имеют отношение к формированию материальной оболочки новой лексической единицы» [Устименко 2001:20-21].

Мы разделяем точку зрения И.А. Устименко, согласно которой под семантической конденсацией понимается «образование нового слова путем "стяжени", "свертывания" материальной оболочки целого словосочетания достаточно устойчивого характера или фразеосочетания в одно слово с использованием в качестве производящего одного из компонентов словосочетания и с сохранением в плане содержания всего семантического объема исходного словосочетания без материальной выраженности второго компонента словосочетания в морфемном составе слова» [Устименко 2001:20]. Мотивирующее словосочетание, как правило, представляет собой двухкомпонентное наименование, состоящее из спецификатора – прилагательного и родового наименования – существительного.

Как показали наблюдения над фактическим материалом, продуктивным явлением стало образование конденсатов на базе атрибутивных словосочетаний с использованием суффикса -к(а) и его алломорфов (-ушк-а, -ашк-а, -анк-а, -инк-а, -овк-а, -лк-а, -ловк-а, -шк-а). Мотивирующие атрибутивные словосочетания могут включать в свой состав имена существительные всех трех родов: *музыкалка* – музыкальный конкурс, *валовка* – валовой продукт, *литейка* – литейный комплекс, цех; *наушка* – научная работа, *стихийка* – стихийная торговля, *запаска* – запасное колесо, *кругосветка* – кругосветное путешествие. Основная масса конденсатов с -к(а) – слова с предметным значением (*электронка* – электронная почта, *тренажерка* – тренажерный зал), однако в последние годы заметно растет количество образований на -к(а), имеющих непредметную семантику (*мажоритарка* – мажоритарная система выборов, *безнарядка* – безнарядная система оплаты).

Традиционно принято считать, что суффикс -к(а) придает слову общепредметное значение. Однако И.П. Глотова оспаривает данную точку зрения: «Определение... общей семантики данного суффикса как передающего значение предмета вообще – вызывает сомнения... Не все существительные с суффиксом -к(а) имеют конкретно-предметное значение; среди них есть и образования со значением лица, и отвлеченные (например, *первоклашка*, *капиталка* (капитальный ремонт), *военка* (военная служба)... Видимо, суффикс -к(а) не имеет регулярного значения, если не считать таким значением сигнал стяжения комплексного наименования» [Глотова 1977:8-9].

Кроме того, в разговорную речь проникают семантические конденсаты, созданные по образцу жаргонизмов, с использованием непродуктивных ранее суффиксов *-ух(а)*, *-ач*, *-арь*: *глухарь* – глухое, безнадежное дело; *краснуха* – красный диплом (диплом с отличием), *щитовуха* – щитовой дом, *типовуха* – типовое строительство, *заказуха* – заказное убийство, *чернуха* – негативные факты, события, явления жизни и антоним *светлуха*: «Смотришь, вроде бы в детективах играют замечательные актеры, но ради динамичного действия на экране показывается *чернуха*» [АиФ в Украине, 2002, 38:15]; «Когда в начале 90-х наши режиссеры ринулись в стихию ужасов советской жизни, Олег Фомин сделал фильм про школьную любовь. Посмотрев картину «Милый Эп», друзья-коллеги начали подшучивать: изобрел, брат, новый жанр – *светлуху*» [Арт-Мозаика, 2000, 38:12]; суффикса *-ач*: *строгач* – строгий выбор, *кирзачи* – кирзовые сапоги, *жесткач* – жесткая музыка: «Сложновато, конечно, и жестко получилось... Но после льющейся отовсюду сладкой гадости хочется ведь *жесткача*, прививки правды. У нас есть некая творческая инфекция, и надо заражать ею людей» [Арт-Мозаика, 2004, 46:16].

Семантические конденсаты муж. рода образуются с помощью суффиксов *-ик(-ник)*, *-чик*, *-щик*, *-ец*, *-ист*, *-ак/-як*, *-ок*. Это многочисленная, активно пополняющаяся группа слов со значением лица. Наиболее продуктивны наименования с суффиксом *-ик/-ник*: *базовик* – работник овощной базы, *линейник* – линейный монтер, *бальник* – танцор группы бального танца, *головник* – сотрудник головного научного учреждения, *водник* – работник цеха водоснабжения, *магистральщик* – строитель магистрального трубопровода, *многосерийщик* – создатель многосерийных фильмов и др. (в нашей картотеке зафиксировано 60 номинаций подобного типа). Значительно реже образуются конденсаты с суффиксом *-чик/-щик*: *мажоритарщик* (вариант *мажоритарник*), *колитчик* (больной колитом), *нефтедобытчик* (работник нефтедобывающей промышленности). Единичны конденсаты с суффиксами *-ист* и *-ец*, например: *сталинец* (лауреат Сталинской премии), *олимпиец* (участник Олимпийских игр). Иногда существительные муж. рода со значением лица образуются с помощью суффиксов *-ач* и *-ак*: *первач* (ученик первого класса), *грудняк* (то же, что и *грудничок*, *грудник*, *грудняшка*), *горняк* (горнорабочий, горный инженер).

Для образования наименований неодушевленных предметов значительно реже используются суффиксы *-ик(-ник)*, *-ак/-як*, *-ок*: *гусенечник* (гусеничный трактор), *кассетник* (кассетный магнитофон), *трехколонник* (статья, напечатанная в три колонки), *широкоугольник* (широкоугольный объектив), *сверхзвуковик* (сверхзвуковой самолет), *герметик* (герметизирующий состав) и др. Менее продуктивны образования, созданные по жаргонной модели с использованием суффиксов *-ак/-як*: *общак* (общая касса), *горняк* (горный ветер), *южак* (южный ветер), *переходняк* (переходный период – у подростков): «А вот у меня «*переходняк*» начался довольно рано» [Арт-Мозаика, 2000, № 11:29]; *головняк* (головная боль): «Вообще-то у меня – истерическое развитие личности. Сначала от сваливающихся «*головняков*», обломов плющит – потом резко наступает облегчение» [Арт-Мозаика, 2003, № 22:2].

Атрибутивные словосочетания, мотивирующие слова-конденсаты, являются, как правило, официальными названиями соответствующих понятий, в то время как слова-конденсаты – названиями неофициальными и часто стилистически сниженными или употребительными только в официальной речи. Привычные для разговорной речи, производные носят яркий отпечаток разговорности, фамильярности.

Такие образования могут являться и не сокращением официально-делового наименования, а выделяющим какой-либо признак предмета переименованием, ср. в МАСе: *пятиминутка* вместо *произвольная программа (фигуристов)*: «Серебряный призер Сергей Четвертухин добился высокого результата в произвольной программе. Он стал победителем в «*пятиминутке*»; «Период в 5 минут, во время которого играли значительно лучше, чем в остальное время. Всем, думаю, запомнилась «*пятиминутка*» бразильцев с поляками» (примеры В.Н. Виноградовой).

Судьба конденсатов в русском языке различна: а) многие, утратив свою разговорность, вошли в кодифицированный литературный язык и стали единственным обозначением соответствующей реалии (*открытка* – открытое письмо, *двустволка* – двуствольное ружье, *грузовик* – грузовой автомобиль); б) другие вышли из употребления, превратившись в историзмы (*керенка*, *учредилка*, *чугунка*); в) третьи функционируют в разговорной речи (*зачетка*, *маршрутка*, *читалка*).

Наиболее продуктивным способом образования конденсатов является присоединение суффикса к основе прилагательного – согласованного определения словосочетания.

Единичны случаи, когда в качестве базовой выступает основа причастия: *обучалка* – обучающая компьютерная программа; *очищалка* – очищающее средство для кожи лица. «В современной разговорной речи встречаются, однако, универбаты... возникшие на базе несогла-

сованного определения-существительного» [Лопатин 1978:74]: настойка валерианы – *валерианка*, бокал для шампанского – *шампанка*, лес, растущий на болоте – *болотняк*, машина для дождевания (искусственного орошения путем разбрызгивания воды) – *дождеватель*, интернет для инвалидов – *инвалидка*. Ср.: «Брат Сергей пишет из *инвалидки* письма скачущими, что блохи, буквами, намекает насчет дома: мол, скоро сапожничать сможет и нахлебником никому не сделается» [НРЛ-84:96].

Зафиксирован единичный случай с базовой основой наречием и глаголом: *умеренник* – «о том, кто умеренно, но регулярно употребляет алкогольные напитки»: «Что же касается тех, кто пьет «умеренно» и «культурно» и сам себя пьяницей не считает..., то их перевоспитание намного сложнее.. Успехи в борьбе с «*умеренниками*» более чем скромные» [НРЛ-85:279]; *сылуха*: «Особенно стало плохо, когда кончилась тропинка и началась *сылуха*. Это гора, на которую стоит только ступить, как из-под ног начинают сыпаться камни. На этой горе нет даже растительности, по ней можно идти, наступая только ребром ступни» [Арт-Мозаика, 2004, № 25:31].

Семантические конденсаты могут быть мотивированны сложным словосочетанием, «в состав которого атрибутивное словосочетание войдет на правах зависимого компонента, при этом «уровень конденсации» несомненно будет выше, поскольку невыраженными... окажутся два слова – стержневое слово сложного словосочетания и стержневое слово атрибутивного простого словосочетания» [Устименко 2001:22]: *пульт дистанционного управления* – *дистанционка*, *машина технической помощи* – *техничка*, *общезитие гостиничного типа* – *гостинка*, *сток ливневых вод* – *ливневка*, *помещение со скороморозильной установкой* – *скороморозильня*, *космический корабль многоцветного использования* – *многоцветник*, *здание со стеклянными стенами* – *стекляшка*. В качестве производящего в таком случае все равно выбирается имя прилагательное: модель образования: имя существительное + (имя прилагательное + имя существительное).

Исходное словосочетание может быть еще более распространенным, описательным. Например: *следователь по особо важным делам* – *важняк*, *предприятие бытового обслуживания населения* – *бытовуха*, *предприятие, финансируемое из государственного бюджета* – *бюджетник*; *рубаша, предохраняющая от укуса энцефалитного клеща* – *энцефалитка*, *подъезд многоэтажного дома со сквозным проходом* – *сквозняк*; *спортсмен, занимающийся прыжками в высоту* – *высотник* и *альпинист, поднимающийся на высокие горы* – *высотник*.

Семантические конденсаты, будучи ономазиологическими вариантами мотивирующих словосочетаний, вступают с ними в синонимические отношения, образуя синонимический ряд: неоднословное наименование – сложносокращенное существительное – аффиксальный дериват: *фотографическая карточка* – *фотокарточка* – *фотка*, *психиатрическая больница* – *психбольница* (в прост.) – *психиатричка* (в прост.), *тяжелый металл (направление в музыке)* – *тяжмет* – *тяжелак* (жарг.), *электрический поезд* – *электропоезд* – *электричка*, *академический отпуск* – *академотпуск* – *академка* (а также стяжение с нулевым суффиксом *академ*).

Средним членом между неоднословным наименованием и конденсатом может быть субстантивированное прилагательное [Виноградова 1984]: *гримерная комната* – *гримерная* – *гримерка*, *курительная комната* – *курительная* – *курилка*, *попутная машина* – *попутная* – *попутка*, *литейный цех* – *литейный* – *литейка*, *бензозаправочная станция* – *бензозаправочная* – *бензозаправка*, а также *инструменталка*, *малярка*, *земледелка*, *слесарка* и др.

Эта закономерность не проявляется в дериватах, мотивированных сложными словосочетаниями. «Однако здесь наблюдается разновидность словообразовательной синонимии, когда в результате различных звеньев сложного словосочетания образуются разнокорневые производные» [Петров 2002:165]: *грузовая бортовая автомашина* – *грузовик* и *бортовичок*, *стеганая ватная куртка* – *стеганка* и *ватник*, *воздушная канатная дорога* – *воздушка* и *канатка*.

Явление синонимии наблюдается и в том случае, когда в результате формального стяжения простого словосочетания образуются однокорневые производные, отличающиеся словообразовательным формантом: *сотовый телефон* – *сотовый* – *сотник* и *сотка*, *обменный пункт* – *обменник* и *обменка*, *сверхзвуковой самолет* – *сверхзвуковик* и *сверхзвуковичка*, *грудной ребенок* – *грудник*, *грудняшка* и *грудничок*, *полуторакилометровая дистанция* – *полуторакилометровка* и *полуторка*, *курсовая работа* – *курсовая* – *курсовка* и *курсовик*, *документальный фильм*, *лента* – *документалка* (вариант *документашка*) и *документалистика*, *пятнадцатикопеечная монета* – *пятнадцатикопеечник* и *пятнашка*.

Отдельные неоднословные наименования служат базой для образования семантических конденсатов и существительных с нулевым суффиксом, образованных путем отсечения суффикса прилагательного, играющего роль определения в наименовании: *мобильный теле-*

фон – мобильный – мобильник и мобила, химическая завивка волос – химия и химка, лабораторная работа – лабораторка и лаба (в разг. р.), академический отпуск – академка и академ.

Между неоднословным наименованием и аффиксальным производным от него может отсутствовать формальная соотносительность при сохранении семантического объема. Л.И. Осипова рассматривает дериват *секретка*: «Как вы относитесь к «секреткам», как в народе ласково окрестили противоугонные устройства?» [Осипова 1994]. См. также: *глушилка* – спецпаратура для блокирования сигналов мобильных телефонов, *глубинка* – удаленный от центра район, поселение; *смывка* – средство для снятия макияжа с глаз. Ср.: «Пастор Франциско Лопес установил у себя в храм «*глушилку*» для мобильных телефонов» [Арт-Мозаика, 2002, № 17:3]; «Мы можем направить Вас в *глубинку*. Только очень дальний район» (В. Семин, Сто двадцать километров до железной дороги); «Обычные очищающие средства категорически не подходят для удаления косметики с век и ресниц. Поэтому для этой зоны разработаны особые *смывки*: они не содержат жиров, быстро растворяют макияж и успокаивают кожу» [Арт-Мозаика, 2003, № 15:25].

Прокомментируем последний пример. В процессе образования конденсата *смывка* в качестве производящего должен был выступить глагол *снять* (*снятие* – отглагольное существительное). Однако лексическое значение глагола *снять*, входящего в словосочетание *снять макияж* – «убрать, отделить находящееся на поверхности; удалить с тела», – не содержит возможности образования конденсата. Действительно, слово *снямка* в современном русском языке не зафиксировано. В данном случае на уровне формы происходит замена глагола *снять* близким по смыслу глаголом *смыть/смыть* – мытьем удалить. Таким образом, конденсат *смывка*, мотивированный лексическим значением глагола *снять*, приобретает совершенно иную форму – производную от глагола *смыть*.

Исследуя явление семантической конденсации с общетеоретических позиций, Т.А. Тулина обращает внимание на синтаксические неологизмы, в которых привычная связность отсутствует: «их емкая компактная форма удобна для говорящего и приемлема для слушающих, хотя и заставляет его активизировать свое внимание и мыслительную деятельность, поскольку сопряжена с явлениями переноса, переадресации... определения» [Тулина 1980:71]. Е.А. Земская выделила особую группу прилагательных: «Прилагательные, обозначающие отношение к предмету, конкретизация которого происходит в контексте более широком, чем сочетание с существительным. Сочетания с такими прилагательными не имеют трансформов, состоящих из конструкций "определяемое существительное + косвенный падеж производящего существительного". Их значение понятно лишь в определенном контексте и ситуации, они могут рассматриваться как эллиптические преобразования многословных описательных оборотов» [Земская 1967:96-97].

В результате переадресации признака образуются конденсированные, емкие по смыслу словосочетания, например: *лаборатория для камеральной обработки материалов – камеральное помещение – камералка*. Такие словосочетания являются базой для последующих деривационных процессов, в результате появляются слова-конденсаты: *сорт сельскохозяйственных культур, выведенных мичуринскими методами – мичуринский сорт – мичуринка; предприятие, финансируемое из государственного бюджета – бюджетное предприятие – бюджетник; автомашина, снабженная оборудованием, необходимым для предотвращения, устранения аварий – аварийная автомашина – аварийка, комната в общежитии для просмотра телепередач – телевизионная комната – телевизионка; автомашина, доставляющая людей и грузы на вахту – вахтовая автомашина – вахтовка, Всесоюзная государственная библиотека иностранной литературы – иностранная библиотека – иностранка; электровоз, работающий на электромагнитной энергии высокой частоты – высокочастотный паровоз – высокочастотник; команда, участвующая в олимпийских играх – олимпийская команда – олимпийка; куртка члена олимпийской команды – олимпийская куртка – олимпийка*. Ср.: «Иду в "камералку", где геологи трудятся над обработкой собранных материалов» [НРЛ-77]; «Краснодарская-1 выколашивается на 3-4 дня раньше "мичуринки" (Сельская жизнь, 1967, 26.06); « – На всякий случай вызову две *аварийки* с насосами, мало ли что там (в трубе) внутри» (Дворкин, Одна долгая ночь).

Дериваты, образованные на базе пропозиций

Универбаты не всегда образуются на базе простых или сложных словосочетаний. Стягиваться могут и предикативные единицы, ср.: *крутовик* (шахтер, занимающийся разработкой крутопадающих пластов), *сюжетник* (писатель, который строит свои произведения на сюжетной основе), *тихоокеанист* (ученый, занимающийся изучением культуры населения островов Тихого океана), *западник* (судно, прописанное в порту, расположенном в западной части Арктики). В этом случае «слово передает значение всей ситуации, при этом в одних случаях образуется

новое слово, в других – нет» [Глотова 1977:4]. Эта разновидность универбов наименее всего изучена в лингвистике.

Так, «в качестве "узлового" компонента в деривационном процессе может выступать известное в ту или иную эпоху имя собственное лица или топоним, а также то актуальное, что связывается с этим именем» [Петров 2002:166]. Например: тип охотничьих ружей, выпускаемых производственным объединением «Ижмаш» г. Ижевск – *ижевское ружье* – **ижевка**; квартира в доме, построенном в период правления И.В. Сталина – *сталинская квартира* – **сталинка** (а также премия имени Сталина – *Сталинская премия* – **сталинка**); однорядная гармоника (по названию города Ливны Орловской области, где изготавливают эти гармоники) – *ливенская гармоника* – **ливенка**; плотная ткань, первоначально шелковая, ввозившаяся из Китая – *китайская ткань* – **китайка**; шапка с козырьком, которую носили солдаты в Афганистане – *афганская шапка* – **афганка**; пятирублевая надбавка к пенсии солдаткам в 70-е гг., когда генеральным секретарем был Л.И. Брежнев – *брежневская пенсия* – **брежневка**; бумажный денежный знак, выпускавшийся при временном правительстве Керенского и имевший хождение в 1917-1920 гг. – *керенские деньги* – **керенки**.

По модели «наименование монет (денежных знаков) в зависимости от изображенного на ней известного лица» образованы дериваты *суворовка*, *николаевка*, *есенинка*, *примаковка*, *явлинка*; аффиксальные производные с включенными предикатными актантами *вагнорки*, *немцовки*, *мавродиевки/мавродики*, *павловки* образованы по модели «имя собственное лица – наименование денежных знаков по имени официальных лиц, имеющих отношение к их появлению» [Петров 2002]. В качестве основы различных наименований спиртных напитков может выступать имя собственное лица: *кончаловка*, *бальзаковка*, *брынцаловка*, *андроповка*, *смирновка*, *жириновка*, а также *путинка*. Например: «Любители горячительного без труда вспомнят водки "Ельцин" или "Горбачев". Сегодня наиболее удачным примером такого симбиоза специалисты считают водку "Путинка", которая, несмотря на легкую завуалированность, у большинства потребителей четко ассоциируется с фамилией российского президента. А что еще нужно для хорошего брендинга?» [Арт-Мозаика, 2005, № 1].

Имя существительное в подобных словосочетаниях выступает в качестве предикатного актанта, а само словосочетание представляет собой целую микроситуацию со своими актантами, встроенную в основную. Предикатные актанты относятся к числу компонентов, усложняющих семантическую структуру предложения [Тулина, Харитонова 1983; Петров 2002].

Например, в простом распространенном предложении «*Фалалеева известна своей дымковской игрушкой*» однословный предикатный актант имплицитно передает смысл целой ситуации: «глиняная расписная игрушка как вид вятского народного промысла, создаваемая в бывшей слободе Дымково». Словосочетание *дымковская игрушка* с предикатным актантом конденсируется в лексическую единицу *дымка*.

«Дериваты, которые содержат в своей семантической структуре предикатные актанты, мы назвали суффиксальными производными с включенными предикатными актантами. Такие производные характеризуются усложненной семантической структурой, отражают различные пропозиции» [Петров 2002:167].

Обычно универб возникает на второй ступени свертывания синтаксического описания: «пассажир, едущий без билета: первая ступень свертывания – безбилетный пассажир, вторая ступень – безбилетник» [Устименко 2001:22].

Рассмотрим образования, обозначающие названия библиотек, учебных заведений, улиц, площадей и др. Такие наименования возникли на базе почетного имени собственного: Российская академия музыки имени Гнесиных – **Гнесинка**; библиотека имени Н.А. Некрасова – **Некрасовка**; государственная библиотека имени В.И. Ленина – **Ленинка**; библиотека имени А.П. Чехова – **Чеховка**. «В тех случаях, когда официальным названием предмета, подвергаемому универбации, является сочетание с несогласованным определением, возможна универбация на базе согласованного определения, сочетание с которым, уже не являющееся официальным названием данного предмета, выступает в роли своеобразного посредствующего звена в словообразовательном акте» [Лопатин 1978:74]. Например: клиническая больница имени Н.Ф. Филатова – *Филатовская больница* – **Филатовка**; площадь имени Дзержинского – *улица Дзержинского* – **Дзержинка**; детская городская клиническая больница имени Русакова – *Русаковская больница* – **Русаковка**. Однако, как отмечают авторы коллективной монографии «Русская разговорная речь», стяженные обозначения типа Библиотека имени М.Е. Салтыкова-Щедрина... не обязательно проходят стадию Щедринская библиотека. Таким образом, за некоторыми подобными наименованиями в РР стоят нуль сочетания (а, значит, они сами становятся

лжеконденсатами)» [Русская разговорная речь 1973:410]. Ср.: публичная библиотека имени Л.Н. Толстого – *Толстовка*; Дом культуры имени Горбунова – *Горбушка*; библиотека имени А.М. Горького – *Горьковка*.

Таким образом, наблюдение над фактическим материалом подтверждает мнение исследователей о том что «ступень свертывания синтаксической объективации до фразеосочетания может быть пропущена в акте словопроизводства» [Устименко 2001:22]. Действительно, часть производных образовалась без опоры на соответствующие словосочетания; дериваты являются знаками всей ситуации: *африканка* «животное, родиной которого является Африка»; *арафатка* – «головной платок, куфия, традиционный головной убор у арабов (по имени Ясира Арафата, палестинского лидера)»; *карбышевка* «допрос, проводимый так, как допрашивали фашисты генерала Карбышева»; *Ливановка* «разновидность игры в бильярд, созданна в семье артиста Василия Ливанова». Дериват *камазята* «дети, родившиеся в городе Набережные Челны, где находится завод Камаз» появился в результате формального стяжения всей пропозиции, минуя стадию адъективного словосочетания.

Отдельные неоднословные наименования способны образовывать универбы-синонимы, параллельно функционирующие в языке и речи, но отличающиеся формантом либо мотивирующей основой: программа «Спокойной ночи, малыши!» - «*спокойка*» и «*спокушки*»; акции и билеты АО «МММ», руководимого С.П. Мавроди – «*мавродиевки*» и «*мавродиевки*»; театральное училище имени Б.В. Щукина – «*Щука*» и «*Щукинка*»; институт народного хозяйства имени Г.В. Плеханова – «*Плехановка*» и «*Плешка*»; библиотека имени Салтыкова-Щедрина – «*Щедринка*» и «*Салтыковка*».

Собранный фактический материал показал, что каждый компонент неоднословного наименования способен стать основой для образования универбата. Так, название группы «Машина времени» послужило базой для образования двух дериватов: *машинист* «участник группы «Машина времени» и машиноман «поклонник группы "Машина времени": «"Машина времени" – группа уникальная. Доказательство этого – только что вышедший компакт с культовой программой «*машинистов*» – «маленький принц» [Арт-Мозаика, 2001, № 1]. «Новообразование *машиноман* в словообразовательном отношении отличается от сложных существительных со связанным опорным компонентом *-ман* тем, что первой частью сложения является не основа существительного машина (тогда оно было потенциальным), а словосочетание "Машина времени" – название вокально-инструментального ансамбля»: «Местные жители в испуге шарахались при виде многотысячной толпы, прочесывающей поселок, окрестные леса в поисках «Машины времени». Наиболее решительная часть «*машиноманов*» осадила какой-то сарай и стала скандировать» [пример Новоселовой].

Очевидно, что суффиксальные универбы, характерные для разговорной речи, могут оказаться непонятными для непосвященных, если их употребить отдельно, вне контекста [Осипова 1994:37]. Поэтому в практике ономаσιологического исследования актуально говорить об ономаσιологическом контексте и коммуникативном. «Ономаσιологический контекст – это контекст, содержащий указание... на вычленение словосочетания, в результате лексической объективации которого возникает семантический конденсат» [Устименко 2001:21]. Подобный контекст – контекст возникновения знаменательной лексической единицы – делает прозрачной словообразовательную структуру универба.

Рассмотрим дериват *голландит* – голландская болезнь – общественное движение в ряде западноевропейских стран против ядерного и ракетного вооружения в Европе (впервые получило широкое распространение в Голландии): «Напуганные размахом антиядерного движения в Голландии, они [натовские генералы] стали открыто высказывать опасения, что "голландская болезнь", или "*голландит*", как они его называли, перекинется на другие страны Европы. "Ну что же, – говорят голландцы, – пусть это будет "*голландит*". Только мы называем это здравым смыслом» [НРЛ-81:43].

Традиционно в процессе образования универбов одно слово поглощает значение другого слова без отдельного морфемного выражения этого значения в структуре слова. При образовании лексемы *голландит* в качестве производящего при мотивировке всем содержанием выбрана лексема голландский, часть же смысла, заключенная в слове болезнь, сохранилась в значении аффикса *-ит*. Аффикс *-ит*, выступая в качестве суффикса универбации, является не только средством свертывания развернутого словесного комплекса, но и суффиксом, оформляющим названия болезней (ср.: *синусит*, *гайморит*, *рениит*, *бронхит*, *трахеит* и т.д.). Таким образом, аффикс *-ит* эксплицитно передает часть смысла, заключенного в слове болезнь в рамках словосочетания голландская болезнь.

Без привлечения ономаσιологического контекста невозможно дать верное толкование таким производным словам, как *марсиане* «администрация кинотеатра "Марс"», *арийцы* «участники группы "Ария"», *европейцы* «участники группы "Евгоре"». Понимание данных дериватов осложняется их омонимичными отношениями со словами иных словообразовательных типов: *марсиане* «в научной фантастике жители планеты Марс», *арийцы* «название народов, принадлежащих к восточной ветви индоевропейской семьи языков», *европейцы* «жители Европы». Например: «В последний раз под их напором не устояла администрация кинотеатра «Марс». Трудно сказать, на что рассчитывали "марсиане"» (Арт-Мозаика. 2000 №1:17). Из контекста становится понятным, что слово «марсиане» образовано путем стяжения словосочетания *администрация кинотеатра «Марс»*, «осознанного как равное понятию и возможное для воплощения в звуковой оболочке одной лексической единицы...» [Устименко 2001:21].

Таким образом, в результате исследования мы пришли к следующим выводам.

1. Универбы могут образовываться на базе различных словосочетаний и пропозиций.
2. Продуктивными формантами для образования универбов муж. рода со значением лица являются суффиксы *-ик(-ник)*, *-чик*, *-щик*, *-ец*, *-ист*, *-ак/-як*, *-ок*, для образования универбов женского рода продуктивен суффикс *-к(а)* и его алломорфы (*-ушк-а*, *-ашк-а*, *-анк-а*, *-инк-а*, *-овк-а*, *-лк-а*, *-ловк-а*, *-шк-а*).
3. В разговорной речи образуются семантические конденсаты, созданные по образцу жаргонизмов, с использованием непродуктивных ранее суффиксов *-ух(а)*, *-ач*, *-арь*.
4. Для понимания семантической структуры универбов, в основе которых лежит пропозиция, необходим ономаσιологический контекст.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградова В.Н. Стилистический аспект русского словообразования. – М.: Наука, 1984. – 184 с.
2. Глотова И.П. К вопросу об универбации (О функционально-стилевом и общелитературном употреблении) // Вопросы стилистики. – Вып. 12. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1977. – С. 3 – 17.
3. Земская Е.А. О семантике и синтаксических свойствах отсубстантивных прилагательных в современном русском языке // Историко-филологические исследования. – М.: Наука, 1967. – С. 92 – 103.
4. Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. – М.: Наука, 1981. – С. 120 – 122.
5. Земская Е.А. Словообразование как деятельность. – М.: Наука, 1992. – 221 с.
6. Исаченко А.В. Проблемы сравнительной лексикологии славянских языков // 1У Межд. съезд славистов: Материалы дискуссии. – М.: Наука, 1962. – Т. 2.
7. Кудрявцева В.А. Суффиксальная универбация в современном русском языке (система субстантива): Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 – русский язык. / Казахский педагогический институт. – Алма-Ата, 1983. – 26 с.
8. Кудрявцева Л.А. Моделирование динамики словарного состава языка. – Киев: Киевский ун-т, 1993. – 280 с.
9. Лопатин В.В. Суффиксальная универбация и смежные явления в сфере образования новых слов // Новые слова и словари новых слов. – Л.: Наука, Ленингр. отделение, 1978. – С. 72 – 80.
10. Осипова Л.И. Активные процессы в современном русском словообразовании (Суффиксальная универбация и усечение). – М.: Прометей, 1994. – 117 с.
11. Петров А.В. Аффиксальные дериваты с включением (на материале имен существительных с суффиксом *-к-а*) // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филологические науки». – Том 15 (54). – 2002. – №4. – С. 160 – 173.
12. Полякова И.М. Процессы включения в лексику и словообразовании (наблюдения над профессиональной разговорной речью металлургов): Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 – русский язык. / Куйбышевский государственный педагогический институт. – Куйбышев, 1972. – 26 с.
13. Русская разговорная речь. – М.: Наука, 1973. – С. 403 – 427.
14. Сахарный Л.В. Психолингвистические аспекты теории словообразования. – Л.: ЛГУ, 1985. – 97 с.
15. Смирнова А.Э. Сорбция как активный способ словообразования: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 02.01.11 – русский язык. / Белорусский государственный университет. – Минск, 2000. – 19 с.

16. Тараненко А.А. Языковая семантика в ее динамических аспектах (основные семантические процессы). – Киев: Наукова думка, 1989. – 256 с.
17. Тулина Т.А. Особенности семантической структуры атрибутивных словосочетаний в русской разговорной речи // Русское языкознание. – Вып. 1. – Киев: Вища школа. Изд-во при Киев. ун-те, 1980. – С.70 – 78.
18. Тулина Т.А., Харитоновна М.М. Семантика предикатных актантов и их синтаксическая организация в простом предложении // Филологические науки. – М. – 1983. – № 4. – С. 46 – 52.
19. Устименко И.А. Ономазиологический аспект семантической конденсации // Лексикология. Семасиология. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2001. – С. 19 – 25.
20. Хамидуллина А.М., Самохина Л.А. Лексико-семантическая характеристика аффиксальных дериватов с включением // Исследования по семантике. – Уфа: Изд-во Башкирского ун-та, 1982. – С. 22 – 31.
21. Храковский В.С. Предисловие // Типология конструкций с предикатными актантами. – Л.: Наука, Ленингр. отделение, 1985. – С. 3 – 8.
22. Янко-Триницкая Н.А. Процессы включения в лексику и словообразовании // Развитие грамматики и лексики современного русского языка. – М.: Наука, 1964. – С. 18 – 35.

ИСТОЧНИКИ

- НРЛ-79 – Новое в русской лексике. Словарные материалы – 79. – М., 1982. – 320 с.
НРЛ-80 – Новое в русской лексике. Словарные материалы – 80. – М., 1984. – 287 с.
НРЛ-81 – Новое в русской лексике. Словарные материалы – 81. – М., 1986. – 288 с.
НРЛ-82 – Новое в русской лексике. Словарные материалы – 82. – М., 1986. – 253 с.
НРЛ-85 – Новое в русской лексике. Словарные материалы – 1985. – СПб., 1996. – 351 с.
НРЛ-86 – Новое в русской лексике. Словарные материалы – 1986. – СПб., 1996. – 381 с.
НРЛ-87 – Новое в русской лексике. Словарные материалы – 1987. – СПб., 1996. – 352 с.
НРЛ-88 – Новое в русской лексике. Словарные материалы – 1988. – СПб., 1996. – 420 с.
- Осипова Л.И. Новые слова в русском языке (суффиксальные универбы женского рода с суффиксом -к-а). Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60 – 90-х годов. – М., 2000. – 230 с.